

Вторая заповѣдь

Есть в христіанском мірѣ постоянная тенденція в минуты различных исторических катастроф особенно напряженно проповѣдовать углубленіе в себя, уход от жизни, стояніе одинокой души перед Богом.

Мнѣ кажется, что тенденція эта и сейчас начинает очень сильно проявляться, особенно среди православных. И дает она такую особую странную картину міра: с одной стороны, всѣ разнообразныя силы зла, объединенныя и утверждающія могущество коллектива, массы, и ничтожность и незначительность каждой отдѣльной человѣческой души, — а с другой стороны, — разсыпанныя, необъединенныя, и утверждающія себя в этой разсыпанности и необъединенности христіанскія души, для которых мір становится каким-то злым призраком, а единственной реальностью, — Бог и моя одинокая душа, трепещущая перед Ним.

Мнѣ представляется такое умонастроеніе опредѣленно соблазнительным, опредѣленно страшным, как для каждого отдѣльнаго человѣка, так и для судьбы Церкви Христовой, и хочется со всей силой возстать против него и звать людей друг к другу, к общему стоянію перед Богом, к общему претерпѣванію скорбей, к общему отраженію соблазнов. И для такого зова можно найти огромное количество самых непреложных основаній во всѣх областях христіанской жизни.

Начну с того, что воспринимается, как наиболее личное, интимное, с области, о которой всё знают, что именно в ней-то душа одиноко стоит перед Богом, — с православных молитв, — и чтобы еще болѣе стѣснить себя, с молитв не общецерковных, совершаемых во время церковнаго Богослуженія, гдѣ их неличный характер сам собою разумѣется, а именно с молитв личных, всѣм извѣстных, творимых у себя, при закрытых дверях. Я разумѣю обычное послѣдованіе молитв утренних и вечерних, которое можно найти в любом молитвенникѣ и к которому мы привыкли с самаго дѣтства. Мнѣ важно установить в них абсолютное преобладаніе обращеній к Богу от *нас*, а не от *меня*. С этой точки зрѣнія я хочу прослѣдить их.

Начинаются они так: «Слава Тебѣ, Боже *наш*, слава Тебѣ». Молитва «Царю небесный» кончается: ...«пріиди и вселися в *ны*, и очисти *ны* от всякія скверны, и спаси, Блаже, души *наши*». Трисвятое кончается «помилуй *нас*». «Господи, очисти грѣхи *наши*, Владыко, прости беззаконія *наши*, Святый, посѣти и исцѣли немощи *наши* имене Твоего ради». Дальше идет молитва Господня, начинающаяся с обращенія: «Отче *наш*... Хлѣб *наш* насущный даждь *нам* днесь. И остави *нам* долги *наша*, якоже и *мы* оставляем должником *нашим*. И не введи *нас* во искушеніе, но избави *нас* от лукаваго».

В утренних молитвах далѣе множественное число употребляется с такой же опредѣленностью и так же часто. «Припадаем Ти, вопіем Ти... Помилуй *нас*... Зовем в полунощи... Пріидите, поклонимся Цареви *Нашему Богу*... Пріими моленія *наша*... Очисти *ны*... Даруй *нам*... Обрящемся готови... Яко Спаса родила еси душ *наших*...».

Дальше идут молитвы о живых и об усопших, т.-е. о других, опять не о себѣ только. И совершенно тоже повторяется в вечерних молитвах. Таким образом самое личное, самое сокровенное, что есть в жизни православнаго человѣка, пронизано все насквозь этим ощущеніем общности его со всѣми, ощущеніем со-

борного начала, присущаго православной Церкви. Это чрезвычайно многозначительно, это обязывает задуматься.

Если это так в частной молитвѣ человѣка, то не приходится даже и говорить об общецерковной молитвѣ. Литургія же не может даже совершаться священником, если он один, — ему необходим для ея совершенія хотя бы еще один человѣкъ, который символизирует собою народ. А само таинство есть именно общее дѣло Церкви, совершаемое о всѣх и за вся.

Православные люди погрѣшили бы нѣкимъ недолжным протестантствомъ, если бы забыли об этихъ центральныхъ и характернѣйшихъ особенностяхъ своей православной истины. В Православной Церкви человѣкъ не одинокъ, и не в уединеніи проходитъ путь спасенія, а является членомъ Тѣла Христова, раздѣляетъ судьбу своихъ братьевъ во Христѣ, оправдывается праведниками и несетъ отвѣтственность за грѣхи грѣшниковъ. Православная Церковь, — это не одинокое стояніе передъ Богомъ, а соборность, связывающая всѣхъ узами Христовой и взаимной любви. И это не есть нѣчто, выдуманное богословами и философами, а точное указаніе Евангелія, проводимое в жизнь вѣками существованія Тѣла Церковнаго. Хомяковъ, Достоевскій, и Соловьевъ, много уяснившіе широкимъ слоямъ русскаго культурнаго общества эти истины, могутъ подтвердить ихъ ссылками на Слово Божіе, на точное указаніе Спасителя. Православный человѣкъ только тогда и исполняетъ в полнотѣ заветы своей вѣры, когда воспринимаетъ ихъ, какъ нѣкую двуединую заповѣдь любви къ Богу и любви къ ближнему.

Бываютъ, конечно, цѣлыя эпохи уклоненій отъ правильнаго отношенія къ этому двуединству. И особенно они характерны в періоды катастрофъ и общаго шатаванія, когда человѣкъ, по малодушію своему, стремится спрятаться и укрыться, и не имѣть дѣла ни съ кѣмъ, кто находится в этомъ шатающемся мірѣ. Ему кажется, что если онъ будетъ помнить только о Богѣ и предстоять Ему в своей душѣ, чтобы спасти ее, то этимъ онъ избавится отъ всѣхъ напастей и останется чистъ во время всеобщаго оскверненія. Та-

кому человѣку надо неустанно повторять себѣ слова Іоанна Богослова о лицемѣрах, которые говорят, что любят Бога, не любя человѣка. Как они могут любить Бога, котораго не видят, и ненавидѣть брата своего, который около них? Христос требовал, во исполненіе заповѣди любви к ближнему, душу свою положить за други своя. Нѣтъ смысла перефразировать это требованіе и говорить, что дѣло идет не о душѣ, а о жизни, потому что Апостол Павел, во исполненіе Христова требованія, гооврит, что хотѣлъ бы быть отлученным от Христа, чтобы видѣть братьев своих спасенными, — тут то уж ясно, что он говорит о положеніи своей души, а не жизни только.

Так же неопровержимо указаніе Христово на то, как мы должны относиться к ближнему, в словах Христа о Страшном Судѣ, гдѣ с человѣка будет спрашиваться не то, как он уединенным подвигом спасал свою душу, а именно то, как он относился к ближнему, посѣщал ли его в темницѣ, накормил ли голоднаго, утѣшил ли его, — одним словом, — любил ли он брата своего, человѣка, ставил ли эту любовь перед собою, как непреложную заповѣдь Христа. И тут нельзя отговориться достаточностью молитвенной памяти о братѣ, — необходимо оправдаться дѣятельной любовью, самозабвенной отдачей души своей за други своя.

Но если мы даже оставим отдѣльные и частныя указанія Евангелія на этот счет, а обратимся ко всему дѣлу Христову на землѣ, то оно-то и есть высшая степень положенія души за други своя, высшая мѣра жертвенной любви и отдачи, которую только знало человѣчество. «Ибо так возлюбил Бог мір, что отдал Сына Своего Единороднаго», — к такой же любви призывая и нас. Нѣтъ и не может быть послѣдованія по Христовым стопам без пріятія на себя какой-то хотя бы самой малой доли соучастія в этом жертвенном подвигѣ любви. Всякій возлюбляющій мір, всякій, отдающій душу свою за других, всякій, готовый дѣною отлученія от Христа добиться спасенія братьев своих, — есть ученик и послѣдователь Христов. И наоборот, — всякій,

пребывающій в искушеніи одного только самоспасенія, всякій, не прие́млющій на себя отвѣтственности за боль и грѣхъ міра, всякій, идущій путемъ хотя бы «святого» эгоизма, — просто не слышит, о чемъ говоритъ Христос, и не видит, за что принесъ Онъ Свою Голгофскую жертву.

Тутъ важно только еще подчеркнуть, что очень часто различныя упражненія во вѣршнихъ добродѣтеляхъ, — кормленіи странниковъ, призрѣніи нищихъ и т. д. — какъ будто прие́млются и тѣми, кто идетъ путемъ самоспасенія. Но прие́млются, какъ нѣкія полезныя для *ихъ* души аскетическія упражненія. Конечно, не такой любви учитъ насъ Евангеліе, и не в жертву такой любви былъ распятъ Христос. Его любовь, дарованная въ наслѣдіе намъ, есть подлинная, жертвенная любовь, отдача души не для того, чтобы этимъ приобрести ее какъ бы съ процентами, такъ какъ въ ближнемъ открывается образъ Божій, не актъ во имя свое, а актъ *во имя ближняго*. Тутъ нельзя разсуждать такъ: Христосъ намъ далъ твердое и неложное указаніе, что мы встрѣчаемъ Его Самого въ каждомъ убогомъ и несчастномъ. Примемъ это къ свѣдѣнію и окажемъ этому убогому и несчастному любовь, потому что ~~я~~ самъ только кажется такимъ, а на самомъ дѣлѣ онъ Царь Небесный, и за нимъ наша дара не пропадутъ, а вернуться къ намъ сторицею. Нѣтъ, убогій и несчастный есть дѣйствительно убогій и несчастный, — а въ немъ въ униженномъ видѣ дѣйствительно присутствуетъ Христосъ, — и мы его принимаемъ во имя самой любви Христовой не отъ того, что намъ отъ этого будетъ награда, а отъ того, что мы пламенѣемъ этой жертвенной Христовой любовью, и соединяемся въ ней съ Нимъ, съ Его крестными страданіями, и страдаемъ не ради своего очищенія и спасенія, а ради убогаго и несчастнаго, которому эти наши страданія облегчаютъ его собственныя. Нельзя жертвенно любить во имя свое, — можно жертвенно любить только во имя Христова, во имя образа Божія, открывающагося намъ въ человѣкѣ.

Быть можетъ, всѣ эти приведенныя Евангельскія указанія взяты случайно, тенденціозно. Мы знаемъ, что Евангельскими текстами доказываютъ свою правоту всѣ еретики и сектанты. Какъ

будто нам надо еще чѣм-либо подкрѣпить себя, надо показать, что такое толкованіе было свойственно всѣм вѣкам исторіи православной Церкви. Его мы можем найти у многих Отцов, в Добротолубіи, напримѣр. Это вѣрно, конечно, хотя и нуждается в нѣкоторых оговорках. Первое, что надо помнить, это то, что Добротолубіе не есть Священное Писаніе, богодуховенное откровеніе, а сочиненіе святых, но все же людей. Второе, — что авторы, помѣщенные в Добротолубіи, не напечатаны там цѣликом, а только по извѣстному отбору, только главным образом в тѣх своих выдержках, которыя касаются наставленій к аскетическому подвигу отдѣльнаго человѣка. Таким образом там просто мало поминаются темы, связанныя с тѣм, что нас сейчас занимает. Как примѣр, выборка всего, что говорится об отношеніи к ближнему, в I-ом томѣ Добротолубія на всѣ его болѣе, чѣм 600 страниц, занимает только 2 страницы, а во II-ом томѣ на 750 страниц, — только 5. Соотношеніе совсѣм другое, чѣм в Евангеліи или Посланіях. И нельзя сказать, что все остальное относится к прямому вопросу исполненія заповѣди любви к Богу, — три четверти остального матеріала Добротолубія говорят главным образом о борьбѣ с чревоугодіем, блудной страстью и другими страстями. Тексты же, касающіеся правильнаго выполненія заповѣди любви к ближнему, иногда совершенно огненны, иногда же, как бы в противорѣчій с этой огненностью, вызывают недоумѣніе. Об этих недоумѣнных текстах я не хотѣла бы много говорить. Ограничусь лишь тѣм, что покажу, что они дѣйствительно существуют.

Так Макарій Великій рассказывает: «Когда один старец спросил авву Серапіона: сотвори любовь, скажи мнѣ, каким ты себя видишь? — он отвѣтил: я похож на того, кто находится на башнѣ и, смотря вовнѣ, помавает проходящим, чтобы они не приближались к нему. А вопрошавшій его старец сказал ему: я же вижу себя, что я как бы сдѣлал ограду вокруг и запер ее желѣзными запорами, так что, когда кто постучится, я не узнаю,

кто там, или откуда пришел, или чего хочет, или каков он, — и не отворю ему пока не уйдет».

У него же: «Человѣкъ, смотрящій на грѣхи свои, не имѣет языка, чтобы поговорить с каким-либо человѣком».

Антоній Великій бесѣдовал с братом, думавшим, что нѣтъ необходимости уходить из міра, чтобы спастись. И как бы предупреждая его об опасностях, которыя его ждут, Антоній спросил его: «Скажи мнѣ, сын мой, скорбишь ли ты вмѣстѣ с ними (с ближними) в горестях их и сорадуешься ли радостям их? Тот признался, что испытывает и то и другое. Тогда старец сказал ему: Знай же, что и в будущем вѣкѣ будешь ты раздѣлять участь с тѣми, с кѣм в сей жизни дѣлишь и радость и горе».

У Евгарія монаха есть тексты, очень трудно сочетаемые друг с другом. Так, с одной стороны, он говорит: «Лучше быть среди тысячи с любовью, чѣм одному скрываться в пещерѣ с ненавистью», — с другой же стороны, он перечисляет «пять дѣл, помощью которых снискивается Божіе благоволеніе. Первое, — чистая молитва, второе, — пѣніе псалмов, третье, — чтеніе Божественных Писаній, четвертое, — воспоминаніе с сокрушеніем о грѣхах своих, о смерти и страшном Судѣ, пятое, — рукодѣліе». Тут как будто просто исчезает память о тысячах, с которыми надо быть с любовью.

Надо вообще сказать, что такія перечисленія добродѣтелей, чрезвычайно часто встрѣчающіяся в Добротолюбіи, почти никогда не касаются тѣх из них, которые имѣют отношеніе к любви к ближнему.

Но есть и другого рода тексты, цѣликом вытекающіе из Христова ученія о положеніи души за ближняго. Их, при общем малом количествѣ текстов о ближнем, все же больше, чѣм предыдущих.

Тот же Макарій Великій говорит: «Сподобившіеся стать чадами Божьими и родиться свыше от Духа Святаго... иногда как бы плачут и сѣтуют о родѣ человѣческом, и молясь за цѣлаго Адама, проливают слезы и плачут, воспаменяемые духовной лю-

бовью к челоѡчеству. Иногда такой радостью и любовью разжигается их дух, что, если бы можно было, вмѣстѣ бы всякаго челоѡка в сердце своем, не отличая злаго от добраго. Иногда в смиренномудрїи духа столько унижают себя пред всяким челоѡком, что почитают себя самыми послѣдними и меньшими из всѣх».

У Св. Иоанна Кассїана есть такое утверженіе: «Очевидный же признак души, не очищенной еще от скверных страстей, состоит в том, когда кто не имѣет соболѣзнованїа к чужим прегрѣшенїям, но произносит на них строгїй суд».

Особенно замѣчательны мысли преподобнаго Нила Синайскаго: «Праведно молиться не о своем только очищенїи, но и об очищенїи всякаго челоѡка в подражанїе ангельскому чину». «Блажен инок, который всякаго челоѡка почитает как бы богом послѣ Бога. Блажен инок, который на содѣванїе спасенїа и преспѣванїе всѣх взирает, как на свое собственное. Блажен инок, почитающїй себя отрѣбьем всѣх. Монах тот, кто, от всѣх отдалясь, со всѣми состоит в единенїи. Монах тот, кто почитает себя сущим со всѣми и в каждом видит себя самого». «Ничего не предпочитай любви к ближнему кромѣ тѣх случаев, когда из-за нея презирается любовь к Богу».

Тот же дух дышит в словах Ефрема Сирина: «Сїе то и значит: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, — когда соединяемся друг с другом независтливостью, простотой, любовью, миром и радостью, преспѣванїе ближняго почитая собственным своим прїобретенїем, а равно немощи или недостатки и скорби признавая собственным своим ущербом, как сказано: не своих сих смотряюще, но и дружных кїждо (Фил. 2. 4.). Таким образом сострадая друг о другѣ, и особенно сильные о слабых и крѣпкіе о немощных, в состоянїи будем исполнить закон Христов».

«Признак смиренномудрїа, — обѣими руками удовлетворять потребности брата так, как бы и сам ты принимал пособїе».

«Позаботимся о стяжаніи вѣчныхъ обѣтованныхъ намъ благъ. Приложимъ о семъ стараніе пока не стемнѣло, пока не окончилось торжище. Сотворимъ себѣ для тамошней жизни друзей изъ бѣдныхъ и неимущихъ. У нихъ купимъ себѣ елей и пошлемъ туда впередъ себя. Ибо здѣсь для тамошнихъ свѣтильниковъ продаютъ елей вдовы, сироты, немощные, увѣчные, хромыя, слѣпыя и всѣ нищія, которыя сидятъ у дверейъ церковныхъ».

И, наконецъ, мнѣ хочется дополнить это текстами изъ Св. Исаака Сиріаніна.

«Признакъ достигшихъ совершенство таковъ: если десятикратно в день преданы они будутъ на сожженіе за любовь къ ближнимъ, то не удовлетворятся симъ, какъ показали Моисей и пламенный Павелъ и прочіе Апостолы. Богъ Сына Своего предалъ на крестную смерть по любви къ твари. А если бы у Него было что болѣе драгоцѣнное, и то отдалъ бы намъ, чтобы симъ пріобрѣсти себѣ родъ нашъ. Подражая сему и всѣ святые, стремясь къ совершенству, домогаются уподобиться Богу совершенствомъ любви къ ближнему».

«Ни одинъ человѣкъ не смѣетъ сказать относительно любви къ ближнему, что преуспѣваетъ в ней душой своею, если оставлена имъ та часть, которая по мѣрѣ силъ, сообразно со временемъ и мѣстомъ, исполняется тѣлесно. Ибо при семъ только исполненіи дѣлается достовѣрнымъ, что есть в человѣкѣ совершенная любовь. И когда бываемъ в этомъ по возможности вѣрны и истинны, тогда дается душѣ сила в простыхъ и ни съ чѣмъ не сравнимыхъ понятіяхъ простираться до великой области высокаго и Божественнаго созерцанія».

В этихъ словахъ оправдано до конца не только дѣятельное христіанство, но и возможность достигнуть «высокихъ и Божественныхъ созерцаній» путемъ любви къ ближнему, не только отвлеченной, но непременно и самой конкретной, практической. Тутъ весь ключъ къ тайнѣ человѣкообщенія, какъ религіознаго пути.

И еще два текста: «Если молистый не бываетъ выше своей правды, то онъ не милостивъ, — т.-е. настоящій милостивый не только даетъ милостыню изъ своего собственнаго, но и съ радостью

терпит от других неправду, и милует их. Кто душу свою полагает за брата, тот милостив, а не тот, кто подающим только оказывает милостью брату своему».

И последнее: «Пусть тебя гонят, ты не гони. Пусть тебя распинают, ты не распинай. Пусть тебя обижают, ты не обижай. Пусть на тебя клеветают, ты не клеветай... Веселись с веселящимися и плач с плачущими, ибо это признак чистоты. С большими болезнуй. С грѣшными проливай слезы. С кающимися радуйся. Будь дружен со всѣми людьми, а мыслю своею пребывай один».

Мнѣ представляются слова эти воистину огненными, и не так уж важно, что они занимают такое малое количество страниц в многотомном Добротолюбіи. Гораздо важнѣе, что они вообще есть, и фактом своего существованія создают извѣстную святоотеческую традицію, оправдывающую наши поиски путей именно в этом направленіи. Таким образом можно смѣло сказать, что такая святоотеческая традиція существует. К сожалѣнію, в области примѣненія к жизни этих принципов, в области пракческаго и аскетическаго поведенія по отношенію к человѣку, у нас гораздо меньше матеріалов, чѣм в области отношенія человѣка к Богу и отношенія человѣка к самому себѣ. Потребность же найти тут какіе-то точные и правильные пути, не блуждать, руководствуясь лишь своими сантиментальными настроеніями, знать границу, до которой доходит эта область человѣкообщенія, — все это чувствуется очень сильно. В концѣ концов, имѣя какія-то принципіальныя указанія, может-быть, уж и не так трудно примѣнить их к различным областям человѣкообщенія, хотя бы первоначально в видѣ нѣкоторой схемы, нѣкотораго приблизительнаго перечисленія того, что в это входит.

Попробуем искать основных вѣх для этой схемы в тріедном составѣ человѣческаго существа, в тѣлѣ, душѣ и духѣ. В области нашего обслуживанія каждаго из этих основных начал сами собой возникают аскетическія требованія и указанія, выполнение которых, с одной стороны, неизбежно, чтобы добиться

цѣли, а с другой, — непосильно. Мнѣ кажется правильным проводить тут границу между отношеніем к себѣ и отношеніем к другим. В аскетикѣ вряд ли примѣнимо правило не дѣлать другим того, чего не хочешь себѣ. Она идет гораздо дальше и ставит себѣ гораздо болѣе суровыя требованія, чѣм своим ближним.

В области отношенія к своему физическому міру аскетика требует от нас двух вещей: труда и воздержанія. Труд не есть лишь неизбѣжное зло, проклятiе Адамово, — он есть и соучастіе в трудѣ Божественнаго домостроительства, он может быть преобразен и освящен. И труд неправильно понимать лишь как дѣло рук, как подѣлку, — он требует отвѣтственности, вдохновенія и любви. Он должен быть всегда трудом на нивѣ Господней. Труд стоит в центрѣ современнаго аскетическаго подвига в области отношенія человѣка к своему физическому существованію. Воздержаніе так же неизбѣжно, как труд. Но оно имѣет до нѣкоторой степени вторичное значеніе, так как нужно главным образом для того, чтобы освободить вниманіе для болѣе цѣнных вещей, чѣм тѣ, от которых человѣкъ воздерживается. Можно внести в воздержаніе нѣкую недолжную страстность, — это неправильно. Человѣкъ должен быть воздержан и одновременно не замѣчать этой своей воздержанности.

К плоти брата своего у человѣка должно быть болѣе внимательное отношеніе, чѣм к своей плоти. Христіанская любовь учит нас давать брату не только дары духовные, но и дары матеріальныя. Мы должны дать ему и нашу послѣднюю рубашку, и наш послѣдній кусок хлѣба. Тут одинаково оправданы и нужны, как личное милосердіе, так и самая широкая соціальная работа. В этом смыслѣ нѣтъ сомнѣнія в призваніи христіанина к соціальной работѣ. Он призван организовать лучшую жизнь трудящимся, обезпечить старых, строить больницы, заботиться о дѣтях, бороться с эксплуатаціей, несправедливостью, нуждой, беззаконіем. Принципиально совершенно равноцѣнно, как он это дѣлает, — в индивидуальном или общественном порядкѣ, — важно лишь, чтобы и его общественная работа строилась на любви к ближ-

нему, не имѣла подспудных личных, карьерных или матеріальных цѣлей. В остальном она всегда оправдана, — от личной помощи до работы в государственном масштабѣ, от конкретного вниманія к отдѣльному человѣку до созданія отвлеченных систем правильной организаціи соціальной жизни. Любовь к человѣку требует от нас в этой области одного: аскетическаго служенія его матеріальным нуждам, внимательной и отвѣтственной работы, трезваго и несантиментальнаго учета и своих сил, и его подлинной пользы. Аскетическія правила тут просты, не дают, можетъ быть, никакого особаго простора мистическому вдохновенію, ограничиваются подчас лишь будничной работой и отвѣтственностью. Но у них есть великая сила и великая правда, базирующаяся на Евангельских словах о Страшном Судѣ, когда Христос скажет стоящим по правую руку, что они навѣстили Его в тюрьмѣ и больницѣ, накормили, когда Он был голоден, одѣли, когда Он был наг. Это Он скажет тѣм, кто дѣлал это и в индивидуальном и в общественном порядкѣ. Таким образом в скучных, трудовых, подчас будничных аскетических правилах, касающихся нашего отношенія к матеріальным нуждам ближняго, уже лежит залог возможнаго Богообщенія, внутренней их духовности.

Дальше идет душевный мір человѣка. Как надо относиться к своему душевному міру? Очень часто за ним не только отрицают всякую цѣнность, но ощущают его, как величину, с которой надо бороться чуть ли что не до полнаго ея уничтоженія. И мы видим, как человѣкъ путем напряженных усилій добивается странных результатов, — сухости, безразличія, холода, безлюбовности, безвдохновенности. Сами эти результаты говорят о том, что тут что-то не вѣрно. Вѣдь, в концѣ концов человѣкъ по своей структурѣ не может уничтожить своей душевности. Он может только извратить ее, омертвить, заморозить, закостенить. Правильное отношеніе к своей душевности имѣет все тот же критерій. Душевность, которая отгораживает человѣка от внѣшняго міра и ограничивает его областью собственных чувств, собственных переживаній, сосредотачивает на внимательном слѣженіи за

малѣйшими движеніями собственной души, — недолжная душевность. Душевность, которая позволяет человѣку ближе и внимательнѣе подойти к другому, которая раскрывает ему внутреннія причины и мотивы поведенія другой души, которая создает мост между ним и его ближним, которая учит любви к ближнему, — это должная душевность. Душевности грозят двѣ противоположныя опасности: с одной стороны, — она широкая дорога для страстей, с другой, — по ней идет смерть в человѣческую душу. Чтобы не дать власти страстям, человѣкъ в области своей душевной жизни не должен себѣ позволять никакого культа «своего», исключительнаго, якобы самаго даже главнаго. Чтобы избѣжать второй опасности, он не должен убивать душевности, а всю ее претворять в орудіе любви к другому.

И тут мы переходим к тому, каково должно быть отношеніе к душевному міру другого человѣка. Отсутствіе корыстнаго интереса, нѣкотораго любопытства и смакованія чужих переживаній, должно сочетаться в первую очередь с напряженной доброжелательностью, с какой-то настоящей неутомимостью в отношеніи другой души. Надо умѣть в буквальном смыслѣ «ставить себя на мѣсто» другого человѣка, пытаться из него оцѣнивать и переживать то, что он чувствует, быть для каждаго каждаым. Даже чужія страсти надо судить не извнѣ, а входя во внутреннюю атмосферу переживающаго их человѣка. Надо имѣть силу не вообще опредѣлять, что должно, а что не должно для даннаго человѣка, а опредѣлять это изнутри его собственнаго душевнаго состоянія, искать освобожденія его от его страстей и эмоцій не в максимальном отсѣченіи, а в сознательном и глубоком их преодолѣніи, переключеніи, преображеніи. Тут опять таки двѣ противоположныя опасности. С одной стороны, опасно подойти к человѣку с мѣркой всенивелирующей доктрины и начать разсѣкать его живую и больную душу, с другой, — не менѣе опасно нѣкое сантиментальное пріятіе во что бы то ни стало всего человѣка, его души вмѣстѣ со всѣми ея болячками и наростами. Мѣра дается вниманіем, трезвостью и любовью.

Область духа требует самого большого напряженія в отношеніи к человѣку и к самому себѣ. Конечно, духовныхъ путей великое множество, и нельзя ихъ всѣ унифицировать и сводить къ какимъ-то однимъ и тѣмъ же правиламъ и законамъ. Но мы уже выдѣлили извѣстный видъ духовнаго дѣланія, который ставитъ удареніе на подлинно-религіозномъ отношеніи къ человѣку. Тут извѣстныя общія предпосылки вполне возможны. Духовная аскетика тут заключается в самомъ открытомъ, недвусмысленномъ и сознательномъ отказѣ отъ самого себя, в готовности быть всегда в волѣ Божіей, в жаднѣ стать исполнителемъ Божьяго замысла в мірѣ, орудіемъ в его рукахъ, средствомъ, а не цѣлью. Принципъ служенія, нѣкоторой духовной мобилизаціи долженъ быть тут до конца проведенъ, долженъ охватить всѣ духовныя возможности и силы человѣка.

Обращаясь къ другому, к тому, служить которому онъ призванъ, человѣкъ не можетъ в области духовной подмѣнять все лишь отборомъ высшихъ духовныхъ свойствъ. Тут начинается самое трудное и требующее максимальнаго аскетическаго напряженія и вниманія. Обращаясь своимъ духовнымъ міромъ къ духовному міру другого, онъ встрѣчается со страшной, вдохновляющей тайной подлиннаго боговѣдѣнія, потому что онъ встрѣчается не съ плотью и кровью, не съ чувствами и настроеніями, а съ подлиннымъ образомъ Божіимъ в человѣкѣ, съ самой воплощенной иконой Бога в мірѣ, съ отблескомъ тайны Боговоплощенія и Богочеловѣчества. И человѣкъ долженъ безусловно и безоговорочно принять это страшное Богооткровеніе, преклониться передъ образомъ Божіимъ в своемъ братѣ. И только когда онъ это почувствуетъ, увидитъ и пойметъ, ему откроется и еще другая тайна, которая требуетъ его самой напряженной борьбы, самаго большого его аскетическаго восхожденія. Онъ увидитъ, какъ этотъ образъ Божій затуманенъ, искаженъ, исковерканъ злой силой. Онъ увидитъ сердце человѣческое, гдѣ діаволъ ведетъ непрестанную борьбу съ Богомъ, и онъ захочетъ во имя образа Божьяго, затемняемаго діаволомъ, во имя пронзившей его сердце любви къ этому образу Божьему, начать борьбу съ діаволомъ, стать оружіемъ

Божіим в этом страшном и попяляющем дѣлѣ. Он это сможет, если у него не будет ни одного самаго утонченнаго, корыстнаго желанія, если он, подобно Давиду, сложит с себя царскіе доспѣхи и только с именем Божіим кинется в бой с Голиафом.

Вот краткія вѣхи, по которым хочет идти человѣческая душа, жаждущая аскетическаго подвига в области своих отношеній к людям. Все это можно выразить в одном вѣчном образѣ распинаемаго Христа: Он плоть Свою отдал на распятіе, Он страдал Своей человѣческой душой, Он предал дух Свой в руки Отца, — и Он зовет нас к тому же. И он принес свою жертву за всего человѣка, во всем его духовно-душевно-тѣлесном сѣставѣ..

Есть и другой образ, особенно близкій православному сознанію, — это образ Матери, стоящей у Креста распятаго Сына, образ Той, которой было сказано: «и тебѣ Самой оружіе пройдет душу». Это образ, — великій символ всякаго подлиннаго отношенія к человѣку: в Распятом Она видѣла Бога и Сына, — и нас этим научает видѣть в каждом по плоти Христовом братѣ тоже Бога, т.-е. образ Божій, — и сына, усыновляемаго нам нашей любовью, нашим состраданіем, нашим соучастіем в его муках, нашим ношеніем его грѣхов и паденій. Божья Мать и донныѣ пронзается крестом Своего Сына, становящимся для нея обоюдоострым мечом, и мечами наших крестов, крестов всего Богочеловѣчества. И созерцая Ея надмірное предстояніе о всѣх человѣческих грѣхах и немощах, мы и в Ней находим вѣрный и неложный путь, повелѣвающій принять в свое сердце кресты наших братьев, пронзиться ими, как оружіем, проходящим душу.

Таким образом завѣтъ Сына Божьяго, данный человѣчеству, повторенный многократно в Евангеліи, запечатлѣнный всѣм подвигом Его земной жизни, совпадает с завѣтом Богоматери, раскрытым нам со дня Благовѣщенія, со времени страшнаго Ея предстоянія у креста, и во всѣ вѣка существованія Церкви. Тут нѣтъ сомнѣній, тут путь ясен и чист.

Если же иногда историческая обстановка прививала к Православію и нѣкоторыя чуждыя ему тенденціи, нѣкоторое чрезмѣр-

ное удареніе на пути самоспасенія, характерное скорѣе для религіи Востока, то мы всегда и из-за них видим, что основной за-вѣтъ Христов все же не забывался и не отменялся. Заповѣдь любви к ближнему, вторая и равноцѣнная первой, так же звала и зовет человѣчество, как тогда, когда она была дана.

Нам, русским православным людям, может быть еще легче, чѣм кому либо, понять ее, потому что именно ею плѣнилась и увлеклась русская религиозная мысль. Без нея Хомякову не пришлось бы говорить о соборном устроеніи православной Церкви, устроеніи, покоящемся всецѣло на любви, на высоком человѣко-общеніи.

По его богословствованію ясно видно, что сама Вселенская Церковь и есть в первую очередь воплощеніе не только заповѣди любви к Богу, но и заповѣди любви к ближнему, и не мыслима как без первой, так и без второй.

Без нея не было бы смысла в ученіи Соловьева о Богочеловѣчествѣ, потому что оно становится единым и органическим, подлинным Тѣлом Христовым, лишь соединенное и оживотворенное потоком братской любви, объединяющим всѣх у единой Чаши, и причащающим всѣх единой Божественной Любви.

Из этой заповѣди только и понятны слова Достоевскаго о том, что каждый за всѣх виноват, и каждый отвѣчает за грѣхи каждаго.

Можно сказать, что русская мысль вот уже больше вѣка как на всѣ лады и всѣми своими голосами повторяет, что она поняла, что значит отдать душу свою за ближних своих, что она хочет идти путем любви, путем подлиннаго мистическаго чело-вѣкообщенія, которое тѣм самым есть и подлинное Богообщеніе. Часто так случается в исторіи мысли, что сначала возникают теоретическія философскія и богословскія предпосылки, а потом извѣстная идея стремится воплотиться в жизни. Наши теорети-ческія предпосылки заполнили собою все русское духовное творчество XIX вѣка, онѣ прозвучали на весь мір, онѣ оказались чело-вѣчески гениальными, онѣ опредѣлили собою вершину вдохно-

венія русскаго духа, его основную характеристику. Никакія войны и революціи не в силах уничтожить того, что было сдѣлано русским религіозно-философским гением в теченіе предшествующаго періода исторіи русской мысли. Достоевскій останется на вѣки, и не он один. Отсюда мы можем черпать, отсюда мы можем получать неисчислимое количество данных, отвѣтов на самые страшные вопросы, постановку самых неразрѣшаемых проблем. Можно смѣло сказать, что главная тема русской мысли XIX вѣка была о второй заповѣди, о догматических, нравственных, философских, социальних и любых других аспектах ея.

Перед нами, перед православными людьми, пребывающими в Церкви и воспитанными на этой православной философіи русскаго народа, наш долг раскрыт с предѣльной ясностью: мы должны сдѣлать эти теоретическія предпосылки, эти философскія системы, эти богословскія теоріи, эти заново ставшіе священными слова: «соборность» и «Богочеловѣчество», — нѣкими практическими вѣхами как для наших личных духовных путей, самых сокровенных, самых интимных, так и для всякаго нашего вишняго дѣланія.

Мы призваны воплотить в жизнь соборныя и Богочеловѣчскія начала, лежація в основѣ нашей Православной Церкви, мы призваны противопоставить тайну подлиннаго человѣкообщенія всѣм иным лживым взаимоотношеніям между людьми. Только тут единственнѣйшій путь, на котором может жить Христова любовь, болѣе того, — только тут единственнѣйшій путь жизни, — виѣ его смерть. Виѣ его смерть в огнѣ и пеплѣ различных ненавистей, раздирающих современное человѣчество, ненависти классовой, національной, расовой. Всѣм видам мистических тоталитарностей мы противопоставляем только одно, — личность, образ Божій в человѣкѣ. И всѣм видам пассивно коллективистических настроеній в демократіи мы противопоставляем, — соборность.

Но мы даже и не противопоставляем. Мы просто хотим жить так, как этому нас учит вторая заповѣдь Христова, опредѣляющая собой все в отношеніи человѣка к этой его земной жизни, и

мы хотим так эту нашу жизнь изживать, чтобы всё тѣ, кто видѣ ея, увидѣли и почувствовали единую спасительность, непревосходимую красоту, непреложную истинность именно этого христіанскаго пути.

Удастся ли нам воплотить наши чаянія, мы не знаем. В основном это дѣло Божіей воли. Но, помимо Божіей воли, Божіей помощи и благодати, и въ каждомъ из нас предъявляются требованія — напречъ всё свои силы, не бояться никакого самаго труднаго подвига, аскетически, самоограничиваясь, жертвенно и любовно, отдавая душу свою за други своя, идти по стопамъ Христовымъ на намъ предназначенную Голгофу.

Монахиня Марія.